

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 30, Is. 2, pp. 14–24, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-30-2-14-24
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDK 294.321+94(47)

Non-Christians in the Orthodox State: Buddhism in Late-Imperial Russia (Evidence from Buryatia)

*Darima D. Amogolonova*¹

¹ Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Department of Philosophy, Cultural and Religious Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: amog@inbox.ru

Abstract

The paper '*Non-Christians in the Orthodox State: Buddhism in Late-Imperial Russia (Evidence from Buryatia)*' discusses the problem of relations between institutionalized Buddhism and the only state religion of the Empire – Russian Orthodoxy. Drawing evidence from various archival and scientific materials, the author examines the history of the competition between Orthodoxy and Buddhism in the late-imperial times on conditions of full support to the state religion on behalf of the state. The author argues that despite recourse to administrative resources, Orthodox clergy failed to achieve significant success in suppressing Buddhism in Transbaikalia. Moreover, despite wide-scale baptizing policy among Buryats, Buddhism found its way in the Prebaikalia areas inhabited by Buryats-shamanists who were the main object of Christianization. Buddhist leaders saw their task in preserving the Buddhist community and strengthening its positions in Russia. The mechanism for this was in the big adaptive ability of Buddhism that allowed it to get incorporated into the Russian political culture. In addition, according to an ancient tradition, the Buddhist clergy promoted upbringing of Buryats in the spirit of loyalty to the monarchy up to deification of the Tsars and their families.

Keywords: Buddhism in Buryatia, Orthodoxy in Buryatia, Russian Empire, baptizing policy, cultural interrelations.

В одном из недавних интервью глава Русского православия в Бурятии митрополит Улан-Удэнский и Бурятский Савватий (Сергей Антонов) заявил, что взаимоотношения между православным христианством и буддизмом в Бурятии на протяжении веков были мирными и взаимно терпимыми: «Исторически так сложилось, что Русская Православная Церковь и Буддийская традиционная Сангха всегда мирно сосуществовали. Мы никогда не соперничали, и не было противоречий. Присутствовал определенный нейтралитет» [Цыренов 2017: 3]. Этими словами митрополит Савватий, по-видимому, хотел подчеркнуть, что отношение православной церкви к неправославным подданным было терпимым, как того требовала государственная политика Российской империи. Между тем, факт официального признания буддизма в 1741 г. в качестве одной из религий подданных империи все же не означал, что светские власти и православная церковь относились к буддизму лояльно. Напротив, история существования буддизма в православной империи — это беспрестанное стремление государства ограничить деятельность буддийского духовенства с целью не допустить роста его влияния на бурятское население, поскольку все же подразумевалось, что буддисты (инославные, иноверные, язычники) потенциально представляли некоторую угрозу для государства вследствие возможного на них влияния политики иностранных государств. Одновременно существование институализированного буддизма наглядно свидетельствовало о терпимости православной империи по отношению к инославным, что имело значение с точки зрения разворачивающихся интересов России в Центральной Азии¹.

¹ В 1908 г. в связи с планами сооружения буддийского храма в Санкт-Петербурге гофмейстер, министр иностранных дел А. П. Извольский в письме на имя П. А. Столыпина отмечал, что подобное мероприятие укрепит дружеское расположение Далай-ламы к России и «имеет для нас существенное значение как с точки зрения политических интересов наших в Китае, так и в смысле возможности использовать в благоприятную сторону его влияние на наших подданных ламайского исповедания...» [О постройке буддийской молельни]. Речь шла о политическом соперничестве между Российской и Британской империями за господство в Центральной Азии, получившем название «Большая игра».

Христианизация западных бурят (шаманистов) и препятствование распространению среди них буддизма мыслились как дело политической важности, поскольку считалось, что российский патриотизм строится именно на русском православии, тогда как исповедующие «иностранные» религии, например, буддизм, априорно могли подозреваться в неблагонадежности и потенциально — в государственной измене.

При этом буддисты, которым приходилось защищать свои права, как полагает Н. В. Цыремпилов, «смотрели на империю не как на враждебную силу, но как на поле возможностей и сферу симбиотического взаимодействия» [Цыремпилов 2014: 65], а «задача буддийских элит заключалась в том, чтобы сделать царя и его министров союзниками» [Цыремпилов 2013: 205].

Если взаимоотношения государства и буддийской общины регулировались правилами, принятыми наиболее определенным видом в *Положении о ламайском духовенстве в Восточной Сибири* (1853 г.), то отношение к буддизму со стороны православной церкви на всем протяжении истории борьбы за духовное пространство в регионе оставалось непримиримым. Православию принадлежало особое место в идеологической сфере, поскольку эта религия являлась компонентом национальной идеи империи, наряду с самодержавием и народностью, а потому занимало приоритетные позиции на всей территории страны. Поскольку православие было преобладающей и единственной государственной религией Российской империи, а император носил титул «Защитник Церкви», то все остальные вероисповедания, даже признанные государством, могли лишь сосуществовать с православием, не нарушая его главенствующего статуса. Собственно, на основании особого положения православия в государстве, его политика по отношению к бурятам была нацелена на крещение возможно большего числа людей. Это касалось, шая игра». Опасения усиливавшегося влияния России в регионе, подкрепляемые убеждением, что Россия намерена захватить Индию, заставили британцев нанести упреждающий удар — в 1904 г. британцы вторглись в Лхасу, а Далай-лама XIII бежал в Ургу. Немаловажно, что он решает обратиться к русскому царю за помощью в вопросе отделения Тибета от Цинского Китая. Позитивное отношение Далай-ламы к русскому царю формировалось во многом под влиянием Агвана Доржиева.

в первую очередь, предбайкальских бурят-шаманистов, которые могли стать (и становились) объектом буддизации, а потому буддизм представлялся опасным конкурентом, мировоззренческим и политическим. *Положение о ламайском духовенстве*, регламентировавшее число лам и дацанов, защищало позиции православной церкви, поскольку подразумевало ограничения в распространении буддизма и, как мыслилось, способствовало более успешной христианизации. Деятельность буддийского духовенства находилась под контролем властей, а Хамбо лама, являясь лицом, ответственным за исполнение предписаний и подчиняющимся непосредственно генерал-губернатору Восточной Сибири (в 1822–1884 гг. генерал-губернаторство именовалось Восточно-Сибирским, а в 1887–1917 гг. — Иркутским), должен был исполнять чиновничьи функции: «На него возлагается главное заведывание и управление Ламайским духовенством и наблюдение, чтобы настоящий устав исполнялся в точности» [*Положение о ламайском духовенстве*]. *Положение* выделяет в отдельные параграфы, во-первых, необходимость получения разрешения МВД на постройку новых «кумирень», причем «не иначе, как по удостоверению генерал-губернатора», во-вторых, запреты на строительство «новых, отдельных от утвержденных кумирень, молитвенных зданий», в-третьих, уничтожение произвольно построенных дацанов и молитвенных зданий, «а виновные в том лишаются духовного своего звания и обращаются в светское сословие» [Там же, § 31, 34, 35].

Несмотря на то, что государство предпринимало ограничительные и запретительные меры по отношению к буддизму и буддийскому духовенству, руководство Иркутской епархии и православные миссионеры полагали, что существовавшие правила не только недостаточны, но и слишком мягки по отношению к чуждой религии. В докладных записках, носящих характер доносов, миссионеры уповают на государство для справедливого, с их точки зрения, разрешения проблемы неравных условий, в которых находились буддийские и православные священнослужители. Христианские миссионеры усматривали препятствия для своей деятельности в многочисленных обстоятельствах, в том числе и в «обширности пространства, занимаемого инородцами того края, дикости природы, огромному

числу язычников — 225 т.)» [Православная миссия]. При этом, отмечается в докладных записках, даже крайний недостаток миссионеров, церковей, финансово-материальных средств не является таким затруднением, как наличие «туземного ламайского духовенства». С точки зрения миссионеров, несправедливость состоит в наделении буддийского духовенства казенной землей, от 500 десятин Бандидо-Ламе¹ до 15 десятин хувараку — дацанскому ученику. «Сверх того, они пользуются значительными доходами дацанов, получаемыми от добровольных, по-видимому, а на самом деле вынужденных приношений мирян от продажи бурханов (языческих истуканов), духовных картин, молитв, поясов и хозяйственных принадлежностей. Дацаны наделены также избыточно казенною землею. Вообще ламайское духовенство, его дацаны и кумирни вполне обеспечены в материальном отношении, между тем как православные миссионеры, кроме скудного жалованья, ничего не имеют, ни от правительства, ни от своих прихожан»². При этом, отмечается в письме, «все ламайское духовенство за свою службу, вредную для пользы и целостности государства, избавлено от всех повинностей казенных и общественных, <...> совершенно свободно от надзора гражданской власти». Другим фактором, создающим, по мысли миссионеров, привилегированное положение ламства, является его подчиненность только Хамбо ламе, который ответственен исключительно перед генерал-губернатором Восточной Сибири, утверждается в своем звании Государем-императором и от него «получает грамоту за печатью, приобретая чрез это в глазах инородцев бурят такую нравственную силу, против которой ни один миссионер не может представить ничего подобного». Письмо настаивает на пересмотре законодательства по отношению к буддийскому духовенству в сторону их ограничения их прав, особенно это касалось Пандито Хамбо ламы, поскольку даже в Монголии «ламам не дано <...> ни земель, ни угодий» [Православная миссия].

Жалобы православных миссий стали причиной выезда в 1886 г. в Восточную

¹ Сохранено написание титула в документе.

² Эти сравнения не объективны, поскольку, например, согласно данным Летописи 1886 г., в одном только Баргузине двум миссионерским станам было отведено 110 десятин земли [Востриков, Поппе 1935: 36].

Сибирь, а конкретно на территории проживания бурят и распространения буддизма, чиновника департамента иностранных исповеданий министерства внутренних дел князя Э. Э. Ухтомского, которому было поручено выяснить на месте, выполняется ли ламами и бурятским населением «Положение о ламайском духовенстве» (поскольку, по мнению православных миссионеров, это положение не выполняется), выяснить экономический ущерб, который ламаизм, как указывалось в жалобах, наносил бурятскому хозяйству, определить целесообразность и осуществимость мероприятий, предложенных миссией для пресечения распространения ламаизма, и представить свои соображения о том, какие изменения или дополнения надлежит внести в Положение 1853 г., называемое устарелым [Востриков, Поппе 1935: 19].

Отчет (и даже его название «Очерк развития ламаизма на восточно-сибирской окраине и наиболее целесообразное средство для борьбы с ним»), представленный Э. Э. Ухтомским, вполне соответствовал целям, которые ставили перед собой миссионеры: выяснить, «как и почему ламство достигло сильного влияния в стране, а также чем можно ему постепенно противодействовать, не прибегая к резким мероприятиям, напротив, искусно пользуясь его же собственными неразумными желаниями и слабостями» [Материалы по истории 2011: 167]. Э. Э. Ухтомский отмечает, что огосударствление буддийской церкви и упорядочивание ее структуры было ошибкой властей, вследствие которой позиции буддизма существенно укрепились. Расширение социальной базы буддизма происходило благодаря мероприятиям, направленным на искоренение шаманизма, тогда как первоначально мыслилось, что именно шаманисты должны были стать основной массой новообращенных в православие. А в реальности западные, предбайкальские, буряты-шаманисты довольно активно воспринимали буддизм, даже если ранее были окрещены. Выполнявшие задачу крещения видели причину такого положения вещей в том, что инородцы, новообращенные в православие, в действительности не становились христианами: «большая часть их знают христианство только по имени» [Отчет Иркутского епископа]. Борьба за умы шаманистов, проводившаяся буддийским духовенством, описывается в отчете Э. Э. Ухтомского так: «Ламы странствуют по Иркутской губер-

нии, учат своих единоплеменников поклоняться Будде, вносят нечто фантастическое в тягостное однообразие инородческого быта. Пределы стройно организованного языческого царства незаметно расширяются. По отчетам тамошних православных священников легко судить, как успешно совершается прирост к буддизму отторгаемых от шаманства. На беду, и новокрещенные инородцы, согласно свидетельству самих же миссионеров, не тверды в убеждениях и нередко поддаются соблазну воспитать потомство совершенно вне христианства. У младенцев на люльках часто висят ламайские талисманы, в жилищах хранятся ламайские идолы, и т.д. Шаманствующие буряты оттого еще склонны симпатизировать буддизму, что он позволяет им оставаться бурятами и не обуславливает, как православие, слияния и отождествления с русскою народностью» [Материалы по истории 2011: 182]. По этому поводу хочется заметить, что шаманисты не только не поддавались христианизации: их буддизация тоже не всегда была успешной и окончательной. Один из бурятских национальных лидеров, М. Н. Богданов, в статье «Бурятское “возрождение”» критически оценивал усилия А. Доржиева и Ц. Жамцарано по пропаганде буддизма среди предбайкальских бурят. Общаясь с шаманистами Иркутской губернии и спрашивая их, насколько твердо их намерение следовать учению Будды после того как их убеждали столь известные и уважаемые люди, М. Н. Богданов получал разъяснение, состоявшее в том, что буддийские деятели приезжают и уезжают, а местному населению приходится оставаться со своими духами, которых надо почитать, иначе они могут разгневаться [Богданов].

Возвращаясь к противостоянию между православными миссиями и буддийским духовенством, отметим, что изучив ситуацию с буддизмом среди бурят, Э. Э. Ухтомский представил свои предложения, касающиеся возможного изменения *Положения 1853 г.* Вопреки ожиданиям православных миссионеров, эти предложения, представленные в таблице напротив каждого параграфа существующего Положения, содержали не репрессивные и ограничительные меры, а, скорее, попытки привести букву закона в соответствие с реальными практиками. Так, оценивая количество дацанов и число лам, которые далеко превосходили разрешенные *Положением*, Э. Э. Ухтомский советует «не препятствовать их размножению: чем они

будут многочисленнее, тем беднее станет каждый и тем сильнее проявится повсеместная рознь ученого ламства, до сих пор искусственно нами самими подавляемая и искореняемая» [Материалы по истории 2011: 244]. Э. Э. Ухтомский полагал, что внутренняя конкуренция между ламами будет препятствовать их, лам, сплочению для осуществления общей цели сохранения и распространения буддизма среди бурятского населения и тем успешнее будет деятельность православных миссий.

Отказ от изменений в *Положении 1853 г.* в сторону подавления буддийской проповеди был продиктован несколькими обстоятельствами, среди которых Н. В. Цыремпилов называет интерес к российским буддистам, появившийся на рубеже XIX и XX вв. В частности, в этот период «в русской либеральной прессе встречаются статьи, в которых буддизм описывается как жертва чиновничьего и миссионерского произвола» [Цыремпилов 2013: 228]. Кроме того, открытые репрессии против одной из официально признанных в России религий противоречили бы стремлению властей предстать в глазах мировой общественности с наилучшей стороны. Показательным примером является интервью, данное англичанином-буддистом в связи со строительством Санкт-Петербургского буддийского храма газете *Биржевые новости*, которое затем было перепечатано *Русским словом, Петербургской газетой* и далее попало в архив МВД. В интервью Эдвард Чемпли сказал: «Во-первых, в Петербурге и Москве нас уже около 100 чел., а во-вторых, нашим культом интересуются очень многие, но часто не знают, где найти его представителей. Я перешел в буддизм 10 лет назад и глубоко верю, что это — единственная религия, которая может принести мир на землю. За последнее время интерес к буддизму стал проявляться в высших кругах Петербурга» [Интервью с англичанином-буддистом].

Немаловажно также и то, что существование институализированного буддизма отвечало интересам имперских властей с точки зрения недопущения иностранных религиозных агентов, которые могли бы под прикрытием буддийской проповеди проводить антироссийскую деятельность или собирать средства для собственных целей. В этих условиях укрепление российского буддизма и авторитет Пандито Хамбо ламы, законопослушного подданного империи, играли особую роль, что признавалось,

например, российским дипломатическим корпусом в Монголии в письме Иркутскому генерал-губернатору в 1909 г.: «Несколько тибетских лам проживают постоянно у монгольских князей и ханов, а также в известных монастырях, пользуясь особым почетом монголов. По большей же части приезжают в Монголию, как тибетские, так и тангутские ламы специально для сбора приношений. Нередко появляются между ними настоятели каких-либо видных монастырей, встречающих недостаток в материальных средствах вследствие прекращения в последнее время паломничества из Монголии, Тарбагатай, Алтая и Джунгарии. Эти-то тибетские и тангутские ламы и стремятся проникать за средствами к бурятам в Забайкалье и немногие к астраханским калмыкам. Нельзя не принять во внимание заявления Забайкальского Бандида Хамбы о нежелательности приезда в Забайкалье тибетских и тангутских лам и эксплуатации ими бурят. Поэтому, несмотря на относительную важность вопроса в политическом отношении, я со своей стороны полагал бы целесообразным допускать посещение Забайкалья тибетскими и тангутскими ламами только приглашенными бурятами с разрешения главного Бандида Хамбы» [Сношения русских буддистов с заграничными].

Необходимость введения подобных ограничений во въезде иностранных лам на территорию России подтверждается документами, повествующими о бесчестных способах отъема денег у бурятского населения и о распространении среди бурят нелепых слухов, которые могли нанести вред политической стабильности: «Монгольские выходцы — ламы, пишет о. Чистохин, в минувшем году разносили слух во всем Тункинском крае, что в Монголии воскрес из мертвых умерший назад тому 280 лет богатырь Амур-Санан, который в настоящее время воюет с китайцами, с целью сделать царем Ургинского Богду (никогда не умирающий гыгэн в Урге)¹. После победы над китайцами Санан соединит монголов и бурят в одно царство, так как бурятам осталось быть под властью Русского Царя только 28 лет. При посещении улусов означенные ламы продавали легковверным волшебные иглы, которые в случае войны стоит только рассыпать, они превратятся в железных воинов и победа будет несомненно, так как воинов этих нельзя ни убить, ни ранить. При соединении

¹ Богдо-гэгэн (монг. Светлейший Владыка) — глава буддийской Сангхи Монголии.

бурят с монголами крестить уже никого не будут. Легковерных нашлось немало и ламы “целые тысячи игл продали в Коймарских улусах (Тункинский район современной Бурятии. — Д.А.)”» [Материалы для истории 2011: 307]. Приведем в этой связи высказывание нынешнего Хамбо ламы Дамбы Аюшеева, который неодобрительно отзывается об иностранных буддийских учителях, практикующих в Бурятии и составляющих конкуренцию местным ламам: «Вот у нас тибетцы читают лекции, дают посвящения — они считают, что это у них буддизм. Ну, они что? Они — иностранцы: заберут свое богатство и куда-нибудь уедут — им какая разница» [Хамбо лама 2013: 12].

Значительным шагом навстречу пожеланиям православного духовенства было высочайше утвержденное 7 июля 1889 г. *Положение комитета министров об изъятии духовных дел ламаитов Иркутской губернии из ведения Хамбо ламы*. Причина решения о передаче буддистов ширетуям-настоятелям местных дацанов под руководством и контролем Иркутского генерал-губернатора состояла, наряду с административными изменениями, в том, что «сосредоточение власти в руках одного главного ламы придает силу и значение ламской пропаганды среди местных язычников и препятствует распространению между ними христианства» [Материалы по истории 2011: 100].

Неудачи окрестительной политики вызвали необходимость получения сведений о собственно бурятах, их образе жизни и характере. Так, в 1892 г. генерал-губернатор Приамурья барон А. Н. Корф в докладной записке «О мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье» министру МВД (по-видимому, речь идет о И. Н. Дурново) дает краткую характеристику бурят с целью «облегчения распространения среди наших инородцев православия <...>, чтобы убедиться в том, что меры, которые будут предложены, не противоречат их характеру и бытовым особенностям». В докладной записке буряты оцениваются в целом положительно, а буддизму отдается должное как религии, способствующей воспитанию нравственности, законопослушанию и трезвости: «Буряты вообще народ одаренный весьма хорошими умственными способностями, очень тщеславный, весьма добродушный, но не без хитрости. Буряты-ламаиты нравственности и честности отличной, преступления среди их случаются весьма

редко; пьянства между ними весьма мало. Они вполне преданы Государю Императору, которого считают святым перерожденцем, крайне покорны властям, отбывают лежащие на них повинности безоговорочно и безнедоимочно» [О мерах к облегчению христианской проповеди]. Стоит отметить, что бурятские буддийские священнослужители прибегали к хитрости в бюрократической переписке с властями для достижения некоторых целей. Бумажная волокита по поводу восстановления сгоревшего дацана или, тем более, строительства нового культового сооружения могла продолжаться годами и даже десятилетиями, как это было с Загустайским дацаном, сгоревшим в 1864 г., о котором Э. Э. Ухтомский писал: «Вот уже 23 года, что тысячи ламаитов лишены родной кумирни, тогда как, по вере их, упразднение святыни или нерадение в уходе за нею приносит страшное несчастье всему округу» [Материалы по истории 2011: 239]. Хотя в 1910 г. дацан был построен на новом месте, все же верующие миряне и духовенство желали бы его переноса на старое место. И тогда Хамбо лама Даши-Доржо Итигэлов обратился с письмом к Иркутскому военному генерал-губернатору Л. М. Князеву с просьбой разрешить новую постройку, поскольку она якобы будет возведена в ознаменование юбилея Дома Романовых. Поддержав эту идею, генерал-губернатор, в силу должностных обязанностей выступивший в роли посредника, написал письмо министру внутренних дел с просьбой разрешить буддистам «построить в местности Загустай <...> каменный памятник “Субарга”¹ в память трехсотлетия царствования Дома Романовых с постановкой в нем бога “Аюши”²», что было особо отмечено в письме Д.-Д. Итигэлова. В том же архивном деле находится документ, подписанный чиновником особых поручений техническо-строительного комитета МВД Тарановским (инициалы неизвестны), в котором указывается, что «богослужение при памятнике будет совершать духовенство приходского дацана четыре раза в год, а именно 21 февраля (день юбилея Дома Романовых), 21 октября (восшествие на престол Николая II), 6 мая и 30 июля (дни рождения Государя и наслед-

¹ Субурган (монг.) — то же, что и ступа: культовое сооружение, хранящее священные реликвии.

² Аюша (санскр. Amitābha, Amitāyus) — божество долголетия.

ника цесаревича). Подписи на субургане на русском и бурят-монгольском языке. Первоначально планировалось на субургане изобразить государственный герб» [Письмо Иркутского генерал-губернатора]. Этот пример свидетельствует о том, что в данном случае для возведения ступы и преодоления бюрократических препон Хамбо лама Д.-Д. Итигэлов, известный, кстати сказать, как стойкий монархист, прибегнул к маневру, состоявшему в изъявлении верноподданнических чувств в форме религиозного служения.

Строгая иерархическая система буддизма в Бурятии, сложившаяся благодаря политике имперских властей, расценивалась православным духовенством как одна из причин сильных позиций неправославной религии. Руководство епархии полагало, что упразднение титула и поста Хамбо ламы и, таким образом, распад централизованного управления дацанами и ламами, смогли бы подорвать основы конкурентоспособности буддизма. Епископ Забайкальский и Нерчинский Георгий (Орлов) счел, что таким удобным моментом стала кончина в 1896 г. Хамбо ламы Дампила Гомбоева. В этой связи епископ направил товарищу Синодального обер-прокурора В.К. Саблеру письмо о необходимости воспользоваться печальным событием для кардинального решения проблемы растущей роли буддизма среди бурят: «В настоящее время достаточно выяснился вред, причиняемый православию временным положением о ламайском духовенстве 1853 г., и существование верховного главы Забайкальских бурят защищается только врагами христианства. Ввиду сих соображений, по моему разумению, можно было бы, воспользовавшись смертью хамбо-ламы Гомбоева, приступить к упразднению сначала самой должности хамбо-ламы, а потом и к пересмотру означенного положения». Свои предложения он объясняет следующими обстоятельствами: «Забайкальское ламство, убедившись, что новый генерал-губернатор С.М. Духовской не расположен делать особенной поправки инородческим элементам в ущерб русской господствующей народности, напрягает все свои силы и пускает в ход всевозможные интриги, чтобы только отстоять свое привилегированное положение в крае. Уничтожение означенной должности, или хотя бы приостановление выбора на эту должность, естественно явилось бы в глазах бурят, а равно и русских, не без горечи осознающих экономическую свою зави-

симость от этого племени, торжеством или лучше — началом торжества православия и русской народности в Забайкалье. А это сознание, в свою очередь, поднимет дух не только православных деятелей, но и многих из бурят, изнывающих под тяжелым режимом ламства и удаляющихся от принятия христианства исключительно по боязни своих фанатиков повелителей — лам» [Забайкальская епархия].

Одновременно защитники и проводники православия осознавали, что проповедническая деятельность и запретительная политика по отношению к буддизму не приносили желаемых результатов. Успеха можно было достичь посредством шагов к сближению с носителями чужой (чуждой) культуры со стороны самих проповедников. Во второй половине XIX в. иркутский епископ Евсевий¹ предложил отобрать 7 или 8 молодых людей, получивших высшее или среднее образование в семинарии, а также детей крещеных бурят, для получения ими полного миссионерского и университетского образования по монгольскому языку [Определение Синода]. По мысли епископа, это помогло бы доказательно представить преимущества христианской сотериологии по сравнению с буддизмом, поскольку давало бы возможность вести проповедь среди бурят-буддистов в терминах их культуры. Позже другой Иркутский епископ, Парфений², во время путешествия по епархии ста-

¹ Епископ Иркутский и Нерчинский Евсевий (1856–1860) в 1858 г. был возведен в сан архиепископа. По его инициативе в Иркутской духовной семинарии было введено преподавание монгольского языка с целью улучшения дела крещения и православной проповеди среди бурят. Участвовал в отправке в Китай 14-ой Пекинской духовной миссии. Совершил несколько путешествий по епархии, включая труднодоступные северные районы.

² Епископ Иркутский и Нерчинский Парфений (1860–1873) в 1863 г. был возведен в сан архиепископа. Создал две отдельные миссии в Иркутской епархии – Иркутскую и Забайкальскую. Активно путешествовал по епархии с окрестительными целями; благодаря активизации миссионерской деятельности за время его работы в православие было обращено 11 тыс. бурят, тунгусов (эвенков) и других представителей коренных этнических групп Сибири. По его представлению в Синод в Иркутске в 1863 г. началось издание «Иркутских епархиальных ведомостей».

рался выяснить отношение бурят к христианству, выявить причины противодействия со стороны его противников и «отыскать людей как христиан, так и инородцев, которые могли бы оказать возможное содействие при обращении инородцев в христианство». «Для пособия в наблюдении над инородцами» и для установления лучшего контакта с буддистами Парфений пригласил в спутники миссионера протоиерея Доронтьева — бурята и бывшего буддийского ламу, — который оказался полезен для успеха миссионерских проповедей, лично обратив в православие более 50 человек и оказав помощь в составлении проекта об образовании миссий [Отчет Иркутского епископа].

Сторонником сходного подхода был выдающийся востоковед А. М. Позднеев, придерживавшийся принципа убеждения при обращении инородцев в православие. Его объяснения недостаточной эффективности миссионерской деятельности были связаны с тем, что миссионеры не владеют культурой бурят и не знают бурятского языка, что и не позволяет внедрить в сознание инородцев идеи о превосходстве христианства над буддизмом. Обращаясь к студентам Миссионерского института, А. М. Позднеев призывает их овладевать знаниями о бурятской культуре и таким образом достигать взаимопонимания и доверия. Что касается буддизма, именуемого «предметом их будущей борьбы», то чтобы разяснять «несостоятельность его учений», А. М. Позднеев советует изучать не буддизм в целом, а конкретно ту его форму, которая бытовала среди бурят. Иными словами, ученый предлагает рассматривать религиозную идентичность бурят с учетом реалий центрально-азиатского буддизма, «ибо учения Будды и Цзонхавы исходили не только из различных, а даже противоположных основ, оттого доктрины их установились на совершенно различных началах и в развитии своем достигли того, что конечные цели одного вероучения почти совершенно игнорируются другим» [Позднеев].

Последнее замечание имеет важный смысл в контексте исследования отношений между буддизмом и православием. А. М. Позднеев указывает на необходимость ознакомления не только с догматическими основами буддийской религии, но и со всей совокупностью конкретных религиозных представлений и практик, формирующих

этническую картину мира и, что важно, политические представления о миропорядке. Следовательно, изучение буддийской религиозной культуры, содержащееся в призывах А. М. Позднеева, подразумевало для него сближение между этнокультурными общностями и дальнейшей, как он предполагал, религиозной гомогенизацией, под которой подразумевалось православие — оплот российской идентичности.

В целом, непримиримая позиция православия по отношению к буддизму объяснялась не только убеждением в том, что иностранные, т.е. *чужие*, религии априорно содержат в себе угрозу внешнего политического манипулирования, но и тем, что религии неправославных подданных априорно питают антиправославные и антирусские настроения. Однако, несмотря на значительное давление, которое на них оказывалось, буряты-буддисты, именовавшиеся в империи уничижительно «язычниками» и «идолопоклонниками»¹, сохранили свою этнокультурную идентичность и религиозную принадлежность, а среди предбайкальских бурят буддизм распространялся хотя и медленно, но неуклонно. Н. В. Цыремпилов отмечает причины устойчивости буддийской общины: «В сущности, этническая идентичность бурят актуализировалась внутри системы буддийских монастырских приходо́в, в то время как родовые органы самоуправления, напротив, дробили бурят по родовому принципу. Находясь в составе империи, в которой царил абсолютный господство православного христианства, буряты видели в буддизме самый мощный стержень, вокруг которого они могли мобилизовать свою этническую идентичность» [Цыремпилов 2013: 196].

При этом, несмотря на весьма болезненный процесс становления и укрепления буддийской общины в условиях действия запретительных законов, институциализированный буддизм в Бурятии выказывал и доказывал свою лояльность империи и воспитывал в своих последователях верноподданнические чувства к монархии и государ-

¹ Согласно указу Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» от 1905 г., в официальных документах впредь запрещалось именовать ламаитов язычниками и идолопоклонниками. А в 1917 г. Временное правительство утвердило законопроект «Об именовании ламаитов в официальных актах буддистами» [Об именовании ламаитов].

ству. Таким образом, буддийская религиозная идентичность бурят стала неотделимой от идентичности российской. Одновременно следует учитывать существовавшее ранее и существующее ныне представление о культурном пространстве, согласно которому православие — это религия русских, а буддизм — это религия бурят. Религия способствует укреплению этнической идентичности, принадлежности к группе, обеспечивающей не только трансляцию традиций из поколения в поколение, но и ощущение безопасности на личностном уровне. Вместе с тем, в результате двустороннего характера этнокультурных взаимодействий в Бурятии сложился региональный культурный текст, который подразумевает, что буддийские религиозные ценности значимы и для тех, кто идентифицирует себя в качестве православных христиан или неверующих. Так обеспечивается толерантность и взаимное доверие в полиэтничном и мультикультурном пространстве Бурятии.

Список сокращений

РГИА — Российский государственный исторический архив

ИВР РАН — Институт восточных рукописей РАН

Источники и литература

Богданов М.Н. Бурятское «возрождение» // Сибирские вопросы. 1907. № 3. С. 38–49 // РГИА, Ф. 821. Оп. 133. Д. 394.

Востриков А.И., Поппе Н.Н. Летопись баргузинских бурят. Тексты и исследования. Труды института востоковедения VIII. М.;Л: Изд-во Академии наук СССР. 1935. 75 с.

Забайкальская епархия: письма Победоносцеву Георгия, епископа Забайкальского // РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. 1895–1901 гг. Д. 93.

Интервью с англичанином-буддистом Эдуардом Чампли // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448.

Материалы по истории буддизма в Забайкалье XIX – нач. XX вв. / Составитель и автор Введения Н. В. Цыремпилов. Улан-Удэ; СПб. 2011 (электронное издание).

О мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье. От Приамурского генерал-губернатора министру МВД 18.01.1892 // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 423.

О постройке буддийской молельни в с. Старая Деревня // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448

Об именовании ламаитов в официальных документах буддистами // РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 657.

Определение Синода от 7.05.1858 по отчету о состоянии миссионерства в Забайкалье. Дело по отчету Преосвященного Иркутского о состоянии Забайкальского края и по предположениям его, Преосвященного, и о мерах для успешного обращения Монголобурят в христианскую веру и о проч. // РГИА. Ф. 796. Оп. 139. Ед.хр. 275.

Отчет Иркутского епископа о состоянии Ирк. Епархии за 1861 г. с данными о деятельности миссионеров // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 51.

Письмо Иркутского генерал-губернатора министру внутренних дел 28.05.1914 // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 448.

Позднеев А.М. Записка о деятельности Миссионерского Института при Московском Покровском Монастыре. 4 октября 1895 г. // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 44 (Фонд А. М. Позднеева). Оп. 1. Д. 125.

Положение о ламайском духовенстве // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Ед.хр. 408–410, §4, 31, 34, 35.

Православная миссия среди инородцев-язычников в Сибири и меры против пропаганды ламайского духовенства (1866–98) // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 431.

Сношения русских буддистов с заграничными. Копия с письма Российско-императорского Генерального консульства в Урге Иркутскому генерал-губернатору от 20.05.1909 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 426 (микрофильм).

Хамбо лама. Мысли наедине. Выдержки из речей. Улан-Удэ: НоваПринт, 2013. 109 с.

Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XXв.). Улан-Удэ. 2013. 294 с.

Цыремпилов Н. В. Буддизм и Российское государство в XIX в.: от конфликтов к компромиссам // Буддизм в истории и культуре бурят. Улан-Удэ. 2014. С. 36–66.

Цыренов М. Человек обретает себя // АиФ в Бурятии. 2017. № 3. С. 3.

List of abbreviations

RGIA — Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [The Russian State Historical Archive]

IVR RAN — Institut vostochnykh rukopisey RAN [Institute of Oriental Manuscripts of the RAS]

Sources and references

Bogdanov M. N. *Buryatskoe «vozrozhdenie»* [Buryat ‘restoration/revival’]. *Sibirskie voprosy* (Siberian Questions), 1907, No. 3, pp. 38–49. RGIA, F. 821. Op. 133. D. 394. (In Russ.).

Vostrikov A. I., Poppe N. N. *Letopis' barguzinskikh buryat. Teksty i issledovaniya. Trudy*

- Instituta vostokovedeniya VIII* [A chronicle of the Barguzin Buryats. Texts and studies. Transactions of the Oriental Studies Institute VIII]. Moscow, Leningrad, USSR Acad. of Sc. Press, 1935, 75 p. (In Russ. and Mong.).
- Zabaykal'skaya eparkhiya: pis'ma Pobedonostsevu Georgiya, episkopa Zabaykal'skogo* [Transbaikalia Eparchy: letters by the Right Reverend of Transbaikalia George to K. Pobedonostsev]. RGIA, F. 1574. Op. 2. 1895-1901. D. 93 (In Russ.).
- Interv'yu s anglichaninom-buddistom Eduardom Champli* [An interview given by an English Buddhist Edward Champli]. RGIA, F. 821. Op. 133. D. 448 (In Russ.).
- Materialy po istorii buddizma v Zabaykal'e XIX — nach. XX vv. / sost. i avt. vved. N. V. Tsyrempilov* [Materials on the history of Buddhism in Transbaikalia: 19th-early 20th cc. Comp. and introd. by N. Tsyrempilov]. Ulan-Ude, St. Petersburg, 2011. Electronic publication (In Russ.).
- O merakh k oblegcheniyu khristianskoy propovedi v Zabaykal'e. Ot Priamurskogo general-gubernatora ministru MVD 18.01.1892* [About measures to promote Christian sermons in Transbaikalia. (A report) by Governor-General of Amur River region to the Minister of Internal Affairs of 18 January 1892]. RGIA, F. 821. Op. 133. D. 423 (In Russ.).
- O postroyke buddiyskoy mole'ni v s. Staraya Derevnaya* [About the construction of a Buddhist prayer-house ...]. RGIA, F. 821. Op. 133. D. 448 (In Russ.).
- Ob imenovanii lamaitov v ofitsial'nykh dokumentakh buddistami* [About designation of 'Lamaists' as 'Buddhists' in official papers]. RGIA, F. 1276. Op. 14. D. 657 (In Russ.).
- Opreделение Sinoda ot 7.05.1858 po otchetu o sostoyanii missionerstva v Zabaykal'e. Delo po otchetu Preosvyashchennogo Irkutskogo o sostoyanii Zabaykal'skogo kraya i po predpolozheniyam ego, Preosvyashchennogo, i o merakh dlya uspeshnogo obrashcheniya Mongoloburyatov v khristianskuyu veru i o proch.* [Decision of the Synod dated 7 May 1858 concerning the Report on current missionary activities and conditions in Transbaikalia. Proceedings on the Report by the Right Reverend of Irkutsk on the actual conditions in Transbaikalia and his suggestions as to convert the Mongol-Buryats to Christianity, etc.]. RGIA, F. 796. Op. 139. Item 275 (In Russ.).
- Otchet Irkutskogo episkopa o sostoyanii Irk. Eparkhii za 1861g. s dannymi o deyatel'nosti missionerov* [The 1861 Report by the Right Reverend of Irkutsk on the current situation in Irkutsk Eparchy supplemented with data on missionary activities]. RGIA, F. 796. Op. 442. D. 51 (In Russ.).
- Pis'mo Irkutskogo general-gubernatora ministru vnutrennikh del 28.05.1914* [A letter by Governor-General of Irkutsk to the Minister of Internal Affairs dated 28 May 1914]. RGIA, F. 821. Op. 133. D. 448 (In Russ.).
- Pozdneev A. M. *Zapiska o deyatel'nosti Missionerskogo Instituta pri Moskovskom Pokrovskom Monastyre. 4 oktyabrya 1895g.* [A note on the activities of Missionary Institute under the auspices of Intercession Monastery. 4 October 1895]. IVR RAN, A.M. Pozdneev's fund. F. 44. Op. 1. D. 125 (In Russ.).
- Polozhenie o lamayskom dukhovenstve* [Rules and regulations for Lamaist clergy]. RGIA, F. 821. Op. 133. Items 408-410, § 4, 31, 34, 35 (In Russ.).
- Pravoslavnaya missiya sredi inorodtsev-yazychnikov v Sibiri i mery protiv propagandy lamayskogo dukhovenstva (1866-98)* [The Orthodox Christian mission agency among non-Russian pagans of Siberia and measures against propaganda of Lamaist clergy (1866-98)]. RGIA, F. 821. Op. 133. D. 431 (In Russ.).
- Snosheniya russkikh buddistov s zagranichnymi. Kopiya s pis'ma Rossiysko-imperatorskogo General'nogo konsul'stva v Urge Irkutskomu general-gubernatoru ot 20.05.1909g.* [Contacts of Russian Buddhists with foreign ones. A copy of the letter by Russian Imperial General Consulate in Urga to Governor-General of Irkutsk dated 20 May 1909]. RGIA, F. 821. Op. 133. D. 426 (microfilm, in Russ.).
- Khambo lama. Mysli naedine. Vyderzhki iz rechey* [Khambo Lama. Private thoughts. Excerpts from speeches]. Ulan-Ude, NovaPrint, 2013, 109 p. (In Buryat and Russ.).
- Tsyrempilov N. V. *Buddizm i imperiya. Buryatskaya buddiyskaya obshchina v Rossii (XVIII — nach. XX v.)* [Buddhism and the Empire. Russia's Buryat Buddhist community (18th-early 20th cc.)]. Ulan-Ude, Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist Studies Press, 2013, 294 p. (In Russ.).
- Tsyrempilov N. V. *Buddizm i Rossiyskoe gosudarstvo v XIX v.: ot konfliktov k kompromissam* [Buddhism and the Russian state in the 19th c.: from conflicts to compromise]. *Buddizm v istorii i kul'ture buryat* [Buddhism in the history and culture of Buryats]. Ulan-Ude, 2014, pp. 36-66 (In Russ.).
- Tsyrenov M. *Chelovek obretayet sebya* [A man finds himself]. *AiF v Buryatii* (Argumenty i Fakty: Buryatia newspaper), 2017, No. 3, p. 3 (In Russ.).

УДК 294.321+94(47)

**ИНОСЛАВИЕ В ПРАВОСЛАВНОМ ГОСУДАРСТВЕ:
БУДДИЗМ В ПОЗДНЕ-ИМПЕРСКОЙ РОССИИ (на материалах Бурятии)**

*Дарима Дашиевна Амоголонова*¹

¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: amog@inbox.ru

Аннотация. В статье обсуждается проблема существования буддийской общины в Бурятии в имперский период истории в условиях, когда государство признавало ограниченные права инославных верующих, а господствующая религия — русское православие — стремилось подавить буддизм, даже вступая в конфликт с законодательством. Институализированный буддизм, со своей стороны, демонстрировал всемерную лояльность империи и монархии, а механизм защиты религии буддийские лидеры находили в адаптации к российской политической культуре, в частности, к существовавшей юридической и бюрократической системе.

Ключевые слова: буддизм в Бурятии, православие в Бурятии, Российская империя, буряты, окрестительная политика, межкультурное взаимодействие.